

Только стемнело, когда Чу Мянью вернулся в особняк Ханьнин в центре Жунгана.

Из крана бежала пузырящаяся тёплая вода, и он медленно смывал пену с пальцев. Из-за двери раздался голос тётки:

— Мяс-Мяс, мама звонила днём. Говорит, организовала для тебя комнату отдыха в школе — теперь сможешь спать там между уроками.

Пальцы Чу Мянью замерли на мгновение.

Тётка, не дождавшись ответа, переспросила:

— Мяс-Мяс, ты слышал меня?

Он не смог сдержать усмешку. Стряхнув капли воды, громко бросил:

— Могла бы заодно общежитие построить — так мне вообще никуда ходить не пришлось бы.

В кухне воцарилась тишина. Лишь жужжание сушилки для рук из ванной нарушало молчание. Когда Чу Мянью вышел и сел за стол, тётка осторожно предложила:

— Может, перезвоню ей, скажу, что ты сам разберёшься?

— Не надо. — Методично перемешивая овощной салат, он отправил в рот пухлый помидор. — Она всегда раздувает из мухи слона. Преувеличивает школе, как сильно болезнь мешает моей жизни, и теперь все учителя смотрят на меня, как на инвалида.

Сглотив сладкий сок баклажана, он продолжил ровным, бесстрастным тоном:

— Ты знаешь, что в столовой для меня отдельное окно сделали? Чего она добивается? Чтобы я каждый день чувствовал себя цирковым медведем во время обеда?

Неизвестно, когда именно, но при упоминании матери на прекрасном лице подростка появлялось неизменное ледяное безразличие. Тётка Чу Хэн, заметив вспышку эмоций в его глазах, попыталась смягчить ситуацию:

— Она просто переживает, находясь так далеко от тебя. Если хочешь, я поговорю с ней вместо...

— Я сказал — не надо. — Чу Мянью прямо посмотрел на женщину. — Она играет роль «заботливой мамы из богатой семьи», но на самом деле просто заглаживает чувство вины. Этими дурацкими заботами она ублажает свою совесть и позорит меня. Ты понимаешь?

Последние слова прозвучали с такой ледяной яростью, что Чу Хэн невольно отпрянула. Когда

она опомнилась, Чу Мянью уже сосредоточенно нарезал говядину, демонстрируя безупречные манеры.

Тётя тихо вздохнула, глядя на это не по-детски сдержанное лицо. Решив сменить тему, она бодро предложила:

— В этом году открыли съёмочную площадку «Гарри Поттера» для туристов. Может, сходим на каникулах? В инстаграме такие чудесные фото...

Чу Мянью не проявил особого интереса, но всё же согласился на эту поездку. После ужина Чу Хэн с энтузиазмом удалилась в свою комнату планировать маршрут. По сравнению со своим пятнадцатилетним племянником, она явно была более легкомысленной и жизнерадостной.

С третьего года средней школы Чу Мянью переехал к тётке под предлогом, что "жить с родителями слишком напряжно". Чу Хэн работала веб-комиксисткой с гибким графиком. В свободное время она помогала Чу Мянью составлять сбалансированный рацион. К тому же ей было всего двадцать пять, и разница в возрасте не создавала между ними барьеров. Их отношения скорее напоминали дружеские - они могли вместе веселиться и заботиться друг о друге.

- Тарелка, из которой ты ела суп... - Чу Мянью нахмурился и посмотрел на тётку с недовольным видом.

Чу Хэн заглянула под тарелку и обнаружила надпись маркером: "Тарелка Мянью-Мянью для супа".

- Ой, они же все одинаковые... иногда я по ошибке беру не ту.

- Неужели трудно посмотреть перед тем, как брать? Это происходит уже не в первый раз.

- Ладно, ладно, завтра куплю себе новый набор, а эти все оставляю тебе, - поддразнила Чу Хэн. - Тогда сможешь подписывать сколько влезет, хорошо?

Под влиянием материнского воспитания Чу Мянью с детства привык чётко разделять свои и чужие вещи. Из-за лёгкой мизофобии он подписывал импортную посуду и стаканы, чтобы предотвратить их случайное использование другими. По всему дому были разбросаны стикеры с надписями: "Пульт Мянью-Мянью ", "Подушка Мянью-Мянью ", "Соковыжималка Мянью-Мянью "

С наступлением вечера Чу Мянью расположился в мягком кресле на балконе, наблюдая за огнями коммерческого района Жунган и мерцающими водами реки Лань. Лёгкий вечерний бриз касался его щёк. На руках он держал снежно-белого питона. Среди королевских питонов с полигенными мутациями полностью белые особи носят особое название "Белая свадьба", но Чу Мянью назвал своего Фьонью.

Фьонья была, пожалуй, самым близким существом для Чу Мянью. У неё был исключительно

спокойный нрав, и она часто сворачивалась в клубок. Чу Мянью ухаживал за ней уже два года, и теперь её тело достигло толщины его предплечья.

Лаская гладкую чешую питона, Чу Мянью позволил ей обвить его руку и направился в гостиную за школьной сумкой.

Чу Хэн, уткнувшись в монитор, изучала статьи о съёмочной площадке "Гарри Поттера", не в силах решить, стоит ли ей надевать форму Гриффиндора в самолёте. Повернув голову, она внезапно увидела Чу Мянью, спокойно входящего в комнату с питоном в руках. В тот же миг её охватила паника, будто перед ней появился сам Волан-де-Морт. С криком она прикрылась клавиатурой, словно пытаясь отразить смертельное заклинание.

— Хочешь конфетку? — Чу Мянью потряс перед тётёй связкой леденцов «Альпс».

Когда Чу Хэн в оцепенении кивнула, всё ещё не оправившись от испуга, он обнял Фьону и намеренно сделал шаг вперёд. Тётя в ужасе отпрянула к кровати, отмахиваясь подушкой.

Уголок губ Чу Мянью дрогнул, приняв спокойное невинное выражение, пока он мягко подбрасывал конфету в её сторону.

— Разве ты давно не отказалась от сахара? — съёжившись в углу, спросила Чу Хэн.

— Мне подарили. Можешь съесть за меня.

— Одноклассник? — глаза тётёи вспыхнули. — Так быстро завёл друзей?

— Не друг, — отверг Чу Мянью, в голове мелькнуло смутное лицо. — Скорее... тип, который без причины лезет к другим с дурацкой заботой.

— Отлично! — Чу Хэн устремила на него проникновенный взгляд. — С такими активными ребятами надо общаться. Может, и ты станешь жизнерадостнее. Не отказывайся от дружбы только потому, что это «хлопотно». Настоящих друзей не испугают твои особенности, Мянью-Мянью.

Чу Мянью опустил глаза, избегая её взгляда. Спокойствие мгновенно сменилось раздражением; его пальцы беспокойно заскользили по чешуе питона, будто пытаясь успокоиться через это прикосновение.

— Чушь, — сухо бросил он и вышел, крепче прижимая Фьону.

Чу Хэн развернула виноградный леденец, размышляя о переменах в племяннике. В детстве он был озорным мальчишкой — обожал подшучивать над взрослыми и залиvisto смеялся, когда

те попадались на уловки. Но с возрастом замкнулся, стал холоден с окружающими.

Всё изменила нарколепсия. Болезнь не только лишала его контроля над сном, но и вызывала катаплексию — внезапную потерю мышечного тонуса при сильных эмоциях: смехе, гневе или волнении. Чтобы избежать приступов, Чу Мянью приходилось подавлять чувства. Даже улыбка требовала подготовки: он заранее искал опору, чтобы не рухнуть на пол.

В редкие моменты ясности во время приступов он мог говорить. Этим летом, готовясь к старшей школе, Чу Мянью упорно тренировал самоконтроль:

— Почитай мне «Сборник анекдотов», — попросил он тётю.

Когда Чу Хэн добралась до фразы «Я прожил 42 года, но таких зануд ещё не встречал», Чу Мянью, стиснув губы, всё равно рухнул на кровать, охваченный приступом.

— Продолжать? — спросила Чу Хэн через минуту, когда он смог сесть.

— Да.

— Тогда возьмём менее смешной... Вот этот от профессора Инь...

— Ха... — губы Чу Мянью дрогнули, и он снова обмяк.

Его низкий порог смешного заставил Чу Хэн прочитать тридцать страниц, пока он не выдохся окончательно. К концу он лишь слабо бормотал: «Забавно...», лёжа без сил.

Для обычных людей смех — символ радости. Для Чу Мянью — риск, где боль и счастье неразделимы. Внезапный обморок посреди веселья приносил не только унижение, но и портил настроение другим. Потому, помимо таблеток, он жёстко контролировал эмоции, избегая всего, что могло их вызвать.

Это уменьшало приступы, но Чу Хэн тревожилась: не упускает ли он возможность сблизиться с одноклассниками ради сохранения гордости?

Однако Чу Мянью волновало иное. Вступив в классный чат, он сразу отключил уведомления. На запросы дружбы отвечал шаблонными фразами. Учёба занимала его больше, чем общение — позорным было не падение на людях, а второе место в обычной школе вроде Чэнцзюнь.

Раз уж он спал больше других, то наяву работал вдвойне. Вернув Фьону в террариум, Чу Мянью раскрыл конспект с «Предисловием к павильону Тэнвана», стараясь освоить все пять учебников литературы до конца каникул.

Закончив, он достал чёрный кожаный блокнот. На титульном листе аккуратным почерком было выведено:

«Всё, что ненавидит Мяу-Мяу»

В детстве он не выговаривал своё имя и коверкал его на «Чу Мяу». С тех пор ласковое «Мяу-Мяу» стало его домашним прозвищем.

Когда он пошел в начальную школу, родители решили, что он уже достаточно взрослый для самостоятельности, и стали называть его только по полному имени - чтобы потом Чу Мянь не жаловался, что обращаются к нему как к малышу. Но на самом деле ему всё ещё нравилось, когда взрослые ласково называли его "Мяу-Мяу" - теперь так делала только тётя.

Чу Мянь перелистнул страницу "Всё, что ненавидит Мяу-Мяу" к последним записям.

[Август 2012]

1. Суп из маша, который готовит тётя - невкусный.

2. Чехол для телефона - тяжёлый.

3. Спираль от комаров - раздражает и душит.

4. Беспроводные наушники - давят на уши.

5. Чернила на угольной основе

.....

38. Комсомол - интуитивное неприятие.

39. Звонок с урока в Чэнцзюне - грустная мелодия, хотя все должны радоваться окончанию занятий.

40.

По привычке оставив место для чётного числа, Чу Мянь задумался, что вписать. Перо замерло, затем уверенно вывело три аккуратных иероглифа:

"Юй Жань. Маггл."

<http://bllate.org/book/15486/1373205>